

Взятие Москвы Тохтамышем: временная неудача в стратегическом укреплении Руси

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar
написано kitapcy | 25 января, 2025

Взятие Москвы Тохтамышем: временная неудача в стратегическом укреплении Руси
ВЗЯТИЕ МОСКВЫ ТОХТАМЫШЕМ: ВРЕМЕННАЯ НЕУДАЧА В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УКРЕПЛЕНИИ РУСИ

26 августа 1382 года хану Тохтамышу удалось захватить и сжечь Москву, благодаря измене части её защитников. Но это уже не могло повлиять на общую тенденцию к укреплению власти московских князей, ставшую залогом возрождения мощной русской державы.

1380 год, запомнившийся эпохальной победой русского оружия в Куликовской битве, стал последним годом властвования Мамаю над значительной частью Золотой Орды. Данный исторический персонаж, захвативший реальную власть над этим государством ещё в 1359 году, формально не имел права претендовать на звание хана, поскольку не являлся потомком основателя Орды Чингисхана.

А потому все эти годы властолюбивому темнику (командующему тумена, тьмы, 10-тысячного войска) и беклярбеку (одному из высших ордынских сановников, наместнику) приходилось довольствоваться ролью то ли серого кардинала, то ли регента при целом ряде номинальных правителей чингизидов. Обычно они умирали в детском и подростковом возрасте, до зрелости не доживали – опытный царедворец Мамай следил за этим строго.

Однако за одним из монгольских принцев, Тохтамышем, Мамаю уследить не удалось. Его забрал к себе на воспитание набиравший силу среднеазиатский правитель Тамерлан (Тимур), не без оснований рассчитывавший использовать подростка в своей

политической игре на ослабление одного из своих главных конкурентов – Золотой Орды.

Уже в 1377 году с помощью армии Тимура Тохтамыш начал устанавливать свою власть над татаро-монгольской державой. Окончательно это произошло в октябре-ноябре 1380 года, когда он одержал победу над войсками Мамаю в битве при реке Калке. Слово «битва» здесь может быть применено лишь условно, поскольку большая часть мамаевских туменов вместо атаки на неприятеля тут же присягнула Тохтамышу. Мамаю пришлось срочно спасаться бегством в Крым, где его и ликвидировали ушлые генуэзцы, которых эрзац-хан мнил своими союзниками, действительно имевшими значительную выгоду от сотрудничества с господином Золотой Орды.

Несомненно, в поражении Мамаю значительную роль сыграл разгром его армии в Куликовской битве. Эта эпохальная победа русских князей действительно поспособствовала укреплению власти хана Тохтамыша. Этот новоиспечённый наследник престола действительно не уставал слать в Москву грамоты, в которых благодарил князя Дмитрия за разгром Мамаю, одновременно намекая на желательность принесения вассальной присяги с последующей выплатой дани. Дмитрий Донской предпочитал на эти льстиво-императивные грамоты не реагировать. А представительное посольство Орды, усиленное крупным на те времена отрядом в 700 сабель, до Москвы просто не допустили, щадя ордынских дипломатов от позора прямого отказа.

После этого Тохтамыш и озаботился походом на Москву с целью приведения её к покорности. Поход 1382 года готовился в обстановке строжайшей секретности. В Казани были в одночасье захвачены, после чего частью убиты, частью заточены в темницу все русские послы и купцы, чтобы никто в Москве раньше времени не узнал о готовящейся Тохтамышем военной акции. Эту акцию тогдашние летописцы справедливо называли изгоном, то есть внезапным набегом, а не полноценным масштабным нашествием.

Ордынские войска передвигались максимально ускоренными темпами, даже без сколь-нибудь заметного обоза, лишь в порядках наличных кавалерийских частей, имея на каждого всадника по несколько «заводных» (запасных) лошадей.

Можно заметить, что, несмотря на все предпринимаемые нападающими меры секретности, полностью внезапным татарский набег для князя Дмитрия не стал, его об этом предупредили, пусть и с опозданием.

Великий московский князь успел собрать совещание князей, большая часть из которых воевала с ним на Куликовом поле, для разработки мер противодействия. Вот только сил и средств для осуществления этих мер, во всяком случае, немедленно, было явно недостаточно.

Куликовская битва изрядно обескровила княжеские дружины. А нужное количество новых умелых профессиональных воинов за истекшие после сражения неполные два года подготовить не удалось. К тому же в очередной раз предали общерусское единство некоторые князья – владельцы Суздальско-Нижегородского, Рязанского княжеств, да и Тверь была всегда готова включиться в борьбу за лидерство в Северо-Восточной Руси, с трудом подавленную Дмитрием Донским лишь едва ли не в самый канун Куликовской битвы.

В частности, Олег Рязанский не только не предупредил князя Дмитрия о подходе ордынцев, но и показал им удобные броды при форсировании крупных рек. А Суздальский князь, отец жены московского князя Евдокии, даже откомандировал двух её братьев в ставку Тохтамыша для демонстрации якобы добрых намерений последнего.

В сложившейся ситуации Дмитрий Донской выбрал саму по себе неплохую стратегию – задержке ордынских войск при взятой ими в осаду Москве с одновременным собиранием дополнительных войск. Для этого князь выехал в Кострому, ставшей резиденцией его временного штаба.

Надо сразу оговориться – не может быть и речи о бегстве из оставленного на произвол судьбы города. О защите Москвы сам князь позаботился очень основательно. Так, уже к 60-м годам XIV века Кремль обзавёлся мощными стенами из белого камня, что делало Москву практически неприступной при тогдашнем развитии осадной техники.

Войска Тохтамыша двигались налегке, без обозов и, соответственно, не имели ничего серьезнее копий, луков и

сколоченных на месте штурмовых лестниц. Осаждённому городу мог угрожать разве что голод при длительной осаде.

Так, например, великий литовский князь Ольгерд в 70-х годах дважды подходил к стенам Москвы, но убедившись в их неприступности, через несколько дней уходил восвояси.

Так что столице княжества практически ничего не угрожало. Уверенность Дмитрия Донского в благополучном исходе будущей осады была настолько велика, что он даже оставил в Москве свою семью. Да и практика отъезда правящего князя из своего стольного града для сбора войск была в то достаточно распространённой.

Увы, обитатели Москвы 80-х годов XIV века не слишком напоминали своих героических предков полуторавековой давности из многих русских городов, предпочетших героическую гибель в бою позорному бегству или плену. Сначала в белокаменной началась паника – преимущественно среди богатых горожан, бояр, купцов, желавших поскорее бежать из города. В ответ патриотически настроенные горожане подняли мятеж, запретив отъезд за городскую черту. Однако этот мятеж имел и отрицательные последствия – в городе начались беспорядки. В итоге Москву покинули даже глава Церкви митрополит Киприан и княгиня Евдокия с детьми. А положение в городе перед подходом грозного неприятеля больше всего напоминало анархию.

К счастью, непосредственно перед началом осады горожане несколько одумались и подчинились в качестве руководителя обороны служилому (то есть без собственного удела или княжества) князю Остею из знатного литовского рода Гедиминовичей, состоявшему на службе у Дмитрия Донского.

Историки расходятся во мнении, в каком именно качестве в те дни выступал князь Остей. Наиболее вероятным представляется, что командующего обороной города назначило городское вече. И именно эту вечевую, на тот момент уже изменившуюся волю и выполнял в роковой день 26 августа мужественный полководец. Один в поле не воин, и если подчинённые не хотят воевать, самому храброму воеводе остаётся лишь капитуляция...

Вначале, когда 23 августа к Москве подошли передовые отряды ордынцев, ситуация для её защитников складывалась неплохо.

Деревянные здания в посадах вокруг Кремля были заранее сожжены, атаки нападающих без особого труда срывались метким огнём со стен – из луков, самострелов, камнемётов и даже (впервые в истории Руси) из пушек-тюфяков, стрелявших каменной дробью.

Очень быстро хан пришёл к тому же выводу, что и несколькими годами раньше пытавшийся взять Москву Ольгерд – город практически неприступен. А приступать к длительной осаде означало неизбежный стратегический проигрыш, нивелирующий все преимущества, которые получил Тохтамыш своим стремительным броском в обстановке строжайшей секретности.

Тогда ордынцы и прибегли к хитрости, пытаясь убедить москвичей в том, что им, дескать, ничего от них самих не надо, все проблемы лишь в неподобающем поведении князя. Ну а раз его в городе нет, то после кратковременной «экскурсии» Тохтамыш сотоварищи тут же уйдёт восвояси, не причинив горожанам никакого вреда. О том, что эта откровенная ложь является истинной правдой, клялись и два брата супруги Дмитрия Евдокии, сыновья Суздальского князя.

В сдаче Москвы часть историков склонны обвинять предателей-аристократов, но и это будет лишь частью истины. До начала осады москвичи порой даже убивали трусов и дезертиров, не считаясь с их титулами. Потому что тогда большинство из них действительно были решительно настроены воевать до победы.

Но когда пошли первые потери (а ордынские всадники умели стрелять метко, и даже каменные стены не всегда могли защитить от их стрел), тогда решимость защитников явно пошла на убыль. А тут ещё Тохтамыш так соблазнительно отделил «плохого» князя Дмитрия от «хороших» горожан. К слову сказать, даже если бы хан сдержал слово и не тронул москвичей, их согласие на такое разделение всё равно было бы с их стороны отречением от своего князя, предательством.

Но властитель Орды слова своего не сдержал. Вышедшая из ворот Кремля делегация была в одночасье изрублена монгольскими саблями. А потом настал черёд и всех остальных – тех, кто молчаливо соглашался с капитуляцией столицы.

Надолго под стенами разорённой и сожжённой Москвы Тохтамыш

задерживаться не рискнул, особенно после того, как удельный князь Владимир Серпуховской без особого труда разбил у Волока один из отрядов ордынцев, отправившийся за новой порцией добычи. Хан не стал дожидаться, пока Дмитрий Донской с войском прибудет из Костромы, и благоразумно вернулся домой с репутацией победителя князя, разбившего самого Мамаю. Город был сожжён, погибло, по разным данным, от 10 до 24 тысяч жителей. Но при этом ни о каком упадке Москвы, реванше за Куликовскую битву после набега Тохтамыша речи нет. Были у князя Дмитрия Донского некоторые политические издержки. Ему пришлось вновь признать свой вассальный статус в отношении Золотой Орды, который де-факто не признавался им после Куликовской победы.

Но, с другой стороны, победитель Мамаю в определённой степени и упрочил своё положение. Ибо именно при Тохтамыше московские князья получили Великое княжество Владимирское в наследственное владение. Теперь каждому новому московскому властителю уже не надо было ездить в Орду за получением ярлыка на княжение. К тому же этим актом прекращалась возможность поползновений на великокняжеский трон со стороны многочисленных родственников московского князя в рамках архаичного «лествичного права», когда власть передавалась в первую очередь от умершего князя к его ещё живущим братьям, а не от отца к сыну. Да и вассалитет Дмитрия Донского был весьма относительным. Скорее речь шла о союзнических отношениях.

Как ни печально то, что после краткого периода после Куликовской победы Русь не стала полностью независимой, но на тот момент она к этой полной независимости была попросту не готова. Независимость нужно было выстрадать, созреть для неё, образовав мощное централизованное государство, что впервые получилось только у Ивана III, а полностью состоялось лишь при его потомках. А пока Москва лишь набирала опыт и мудрость на этом пути полном проб и ошибок, включая и такие тяжёлые, как взятие Москвы Тохтамышем в августе 1382 года.

Николай ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Taryhy makalalar